

Обхватив обеими руками своих младших братьев, Гарри зарылся лицом в их волосы, вдыхая запахи, которые стали для него такими знакомыми. Прошел месяц после бала Паркинсона, месяц с тех пор, как он выложил свои лучшие карты перед лордом Арктуром Блэком, своим дедом.

« Внук».

Стоя перед своим дедом и лордом, Гарри не ослабевал под его суровыми серыми глазами, стоя во весь рост с запрокинутой вверх головой. Ни один из его родителей не разговаривал с ним в то утро, Вальбурга даже не удостоила его взглядом. Сириус и Регулус были должным образом подавлены, оставив Гарри завтракать, пока его решимость укреплялась. И вот, пришло время проверить это.

« Дедушка».

— Я так понимаю, вы вчера не высказали всех своих претензий по поводу нашего образа жизни?

Гарри поморщился, позволив себе немного опустить голову. Он сомневался в том, как обстоят дела, вопросы, которые должны были быть сказаны, но те, которые он не должен был задавать в своем юном возрасте, согласно правилам общества. Однако, чтобы хоть немного защитить Сириуса и Регулуса от мира, он был готов пойти на войну.

« Я не понимаю, почему борец за чистоту крови не использует свою фамилию. Если он серьезно относился к своему делу, почему он прячется? имя с гордостью. То, что он скрывает, означает, что ему есть что скрывать. Я отказываюсь следовать делу, которое видит, что лидер не подчиняется тем же правилам, нося вымышленное имя. Насколько нам известно, он мог быть сыном два сквиба, властвующие над своими чистокровными слугами, говоря, что они действительно не так хороши, как он, молча принижая их убеждения».

Арктур издал странный горловой звук, как будто он даже не смел думать об этом.

« Чистокровные вступают в брак так часто, что, возможно, этот человек состоит в таком же родстве со Слизерином, как и я. Мы ничего не знаем, и я не вижу необходимости подчиняться делу на таких необоснованных основаниях. Если бы это были просто чистокровные внутри мира, то в конечном итоге это станет битвой за то, у кого самая чистая кровь. Мы набросимся друг на друга, чтобы подпитывать потребность чувствовать себя важными».

— А что из того, что грязнокровки приносят в наш мир?

Гарри поморщился от оскорбления, проводя подушечкой большого пальца по костяшкам

пальцев, где его руки были сцеплены за спиной.

"Воспитывайте их по-нашему. В Хогвартсе есть изучение маглов, но нет обучения волшебству для тех, кто приходит в наш мир. Как мы можем ожидать, что они будут следовать нашим обычаям, если мы не позволяем их учить? Если бы они посетили Китай, страну, отделенную от нас расстоянием, они бы не ожидали той же культуры. Они ошибаются в том, что относятся к нашему миру так, как будто ожидают, что он будет таким же только потому, что находится в той же стране, но и мы ошибаемся в том, что не приветствуем их. Мы не учим их, мы отталкиваем их, когда они пытаются навязать нам свои убеждения, не говоря им почему. Разве работа Древних и Благородных Домов не заключалась в защите волшебного мира и всего, что в нем есть? Когда вражда между чистокровными и маглорожденными стала важнее, чем улучшение нашего общества?»

После этого Арктур позволил ему уйти, без сомнения, отправившись на собственное исследование. Он согласился с тем, что «грязнокровки» не стоят времени, потраченного на их принижение. Гарри поспешил указать на тот факт, что если магглорожденные признают его благородным наследником, он должен вести себя соответствующим образом. И не только чистокровным. Он был лучше их, но было выше его положения втолковывать им это в лицо. Ему объяснили, что он был выше, чем гордиться своим превосходством над другими, и Арктур пробормотал что-то, связанное с «пикси» и «скорее с сахаром, чем с солью».

Гарри также заметил, что магглорожденные изобрели изгоняющие чары, значит ли это, что они не использовали их, поскольку все магглорожденные считались бесполезными по стандартам Дома Блэков. При этом Арктур выглядел так, словно проглотил лимон, вытащив его прямо из кабинета без ответа. Мысль об этом заставила Гарри улыбнуться, но дедушка сказал ему ожидать от него писем, когда он начнет учебу в Хогвартсе. Без сомнения, их дискуссия на эту тему не закончилась.

«Турайс».

Выпрямившись, но не раньше, чем поцеловать в лоб Сириуса и Регулуса, Гарри вытянулся перед отцом. Этот человек почти ничего не сказал ему после бала Паркинсона, но это было лучше, чем тонко пронумерованные угрозы Вальбурги, что ему лучше попасть в Слизерин.

"Отец?"

Вальбурга фыркнула, собираясь пойти поприветствовать какую-то другую чистокровную даму. Как только она ушла, Орион опустился на колени до его уровня, удивив Гарри, особенно когда руки обвили вокруг его плеч и притянули к себе.

— Я не уверен, что согласен с вашими взглядами, даже если вы дали нам с отцом пищу для размышлений, — прошептал голос ему на ухо, и Гарри не упустил из виду тот факт, что мужчина не упомянул об этом. Вальбурга, «но я горжусь тобой. За то, что ты защищаешь себя

и своих братьев. Даже если мы не согласны, семья превыше всего».

Гарри ничего не мог поделать с тем, что его губы изогнулись в улыбке, несколько тронутой. Он понятия не имел, каким был Орион в другой жизни, где существование Турайса не возникло. Но он чувствовал, что здесь, по крайней мере, он как-то повлиял на этого человека. Надеюсь, к лучшему.

«Спасибо, отец. Мы, вероятно, снова окажемся в разногласиях по тому или иному поводу, но ты останешься моим отцом, как Сириус и Регулус навсегда останутся моими братьями. И я сделаю все, чтобы защитить свою семью, даже если это будет означать идти против ваши ожидания увидеть, как наша семья будет жить в долгосрочной перспективе, вместо того, чтобы умереть как пушечное мясо для сумасшедшего».

Орион нахмурился и отстранился, его глаза стали серьезными, прежде чем поцеловать Гарри в лоб.

«Будь осторожен, сынок».

Сев в поезд, Гарри поправил стоявшую на полу пустую клетку для сов, отодвинув ее от стены, чтобы прутья не гремели. Он оставил Аквилу, свою прекрасную сипуху, на площади Гриммо, готовясь к тому, что его братья отправят свое первое письмо. Она вернется к нему утром, так что Гарри не слишком волновался. Его семья вышла из вокзала пять минут назад, сразу после того, как проводила его в поезд.

Гарри молился, чтобы его мать, из-за ее вспыльчивости, которая беспокоила Гарри после этого, не навязывала ему руку. Он покинет Дом Блэков, если тот позаботится о защите его младших братьев и сестер. Ему не нужна была финансовая поддержка Дома Блэков, чтобы жить, в конце концов, маленький пузырек с ядом василиска стоил на рынке солидную цену. И сюрприз-сюрприз, он знал, где взять один.

Но он предпочел бы, чтобы никто не знал, что поблизости есть Василиск.

И если бы стало еще хуже, он всегда мог связаться с единственным человеком, который знал правду. В конце концов, прожив шестьсот лет и столкнувшись с несколькими людьми с одним и тем же шрамом в одном и том же месте, прошло бы столько времени, прежде чем у кого-то возникли бы подозрения. Но Гарри хотел бы избежать контакта с кем-то столь политически влиятельным, каким бы отдаленным он ни был, как Николас Фламель.

"Извините меня."

Гарри остановился, рисуя василиска под Хогвартсом, и посмотрел на захватчиков в свое купе.

Там стояли две девушки, выглядевшие встревоженными, одна яростно покраснела, увидев его. Гарри прекрасно знал, что это тело было привлекательным, но он надеялся, что люди не начнут преследовать его, по крайней мере, до третьего курса.

"Я могу вам помочь?" Он осторожно закрыл свой альбом для рисования, вежливо улыбаясь, как только мог. Покрасневшая девушка покраснела еще больше.

— Мы можем разделить ваше купе?

Гарри поднялся на ноги после того, как жестом пригласил их войти, вытащил свою палочку и поднял их чемоданы на полки над их головами.

— Ты уже умеешь колдовать? — спросила девушка, которая не покраснела, широко раскрытыми глазами следя за движением его палочки. И это была его палочка, его драгоценная палочка Остролиста, созданная в то же время, что и палочка Риддла. Это была первая жизнь, в которую он попал в то время, когда он мог ее забрать. Не считая его первой жизни, конечно.

«Я всегда мог контролировать свою магию, хотя мне говорили, что это очень необычно».

«Элис Смит», девушка, Элис, протянула руку, улыбаясь. В ту секунду, когда она улыбнулась, Гарри узнал ее. Мать Невилла. А это означало, что Фрэнк Лонгботтом скоро будет в Хогвартсе, если уже не там. Гарри взял ее руку и чистокровным движением поцеловал ее.

«Турайс Блэк».

"Черный?" Глаза Алисы переместились и посмотрели на ее покрасневшую подругу, которая, казалось, была несколько смущена внезапной усталостью своих компаньонов.

"И тебя?"

«Джей-Джейн Уорд». Ах.

Алиса знала, что ее друг был магглорожденным, и ожидала, что он отреагирует так же злобно, как и любой другой член его семьи.

Не обращая внимания на то, что Алиса чуть ли не съёжилась от предвкушения, Гарри повторил его действия, выказывая ей то же уважение, что и Алисе.

«Очарован», — улыбнулся он, снова усаживаясь, сбрасывая дорогие туфли, на которых настаивала Вальбурга, и скрестив ноги на плюшевой подушке. Элис на самом деле дважды оценила его небрежность.

«Извините, вы, возможно, ожидали слухи о черном безумии?»

Теперь настала очередь Алисы краснеть так же яростно, как и ее подруга, которая казалась совершенно ошеломленной.

«Мне жаль говорить, мисс Уорд, что в Хогвартсе есть немало учеников, которые будут смотреть на вас свысока из-за вашего происхождения. Моя семья была бы ярким примером этого, но я верю в то, что нужно судить кого-то по его достоинству как личности. ... Я не поддамся давлению сверстников, которое некоторые могут попытаться оказать на меня, просто потому, что я наследник Дома Блэков. Вы зря беспокоитесь, мисс Смит».

Поездка на поезде была приятной, Гарри рассказал все о предрассудках чистокровных и о том, как реагируют разные фракции. После некоторого размышления Джейн призналась, что ожидала, что все будет похоже на маггловский мир, но согласилась оставаться непредубежденной. Алиса казалась несколько впечатленной им, настолько, что он назвал ее по имени. Что исходило от такой чистокровки, как она, было большой демонстрацией дружелюбия. Теперь они стояли в большом зале, их имена вот-вот должны были назвать для сортировки. Один Джордж Эббот был распределен в Хаффлпафф, а Цицерон Эйвери отправился в Слизерин. А потом это был он.

«Черный, Турайс».

Гарри прошел вперед со всей грацией хищника, усевшись на деревянный табурет и позволив распределяющей шляпе упасть ему на голову.

« Боже мой, опять не ты » .

Гарри открыто рассмеялся в холле, без сомнения, оставив всех гадать, что же сказала ему шляпа.

« Очень приятно снова поговорить с вами, шляпа. '

« Я ненавижу тебя сортировать. Всегда всплываешь, всегда что-то меняешь » .

— Боюсь, это связано с работой. Я полагаю, вы уже знаете, что было бы лучше на этот раз? '

« Ты самый большой мальчишка, с которым я когда-либо имел неудовольствие иметь дело ». Даже сквозь бормотание Гарри мог сказать, что шляпа все еще любит его, по-своему. Просто раздражало, потому что предполагалось сортировать детей, а не постоянно возрождающихся бессмертных.

"Слизерин!"

Гарри снял шляпу с головы, протянул ее МакГонагалл и направился к столу со змеями. Они были рафинированы, вежливо хлопали. Ну, все, кроме одного.

«Ну, а куда еще, по-вашему, мог деться змееуст?!» Крик Беллатрикс эхом разнесся по залу, заставив всех замолчать, включая МакГонагалл, которая только что произнесла следующее имя.

Глаза Гарри скользнули вверх по столу, пока не остановились на Беллатрисе, которая оказалась на самом верху вместе с остальными семикурсниками. Все, и Гарри имел в виду всех, смотрели на него. Все еще с высоко поднятой головой, он скользнул на скамейку, не обращая внимания на благоговейный взгляд Эйвери, который явно не особо верил в слухи о балу Паркинсона, на котором не присутствовала его семья.

Он знал, что это был лишь вопрос времени, когда все об этом узнают, но Гарри хотел бы провести год под присмотром Дамблдора. Черт, даже месяц было бы неплохо. Мужчина слишком контролировал все вокруг себя, и Гарри не был заинтересован в том, чтобы ввязываться в эту войну. Однажды он помог, и это не его проблема. Единственное, что привлекло бы его внимание, это если бы его друзья или семья были тронуты.

Тогда он уничтожит угрозу.

Будь то Дамблдор, пытающийся вывести Сириуса на передовую, или Волдеморт, пытающийся склонить их на свою сторону. Гарри было все равно. Он вырос из мальчика-героя, который хотел защитить всех. Он не стал бы стоять в стороне в атаке, но и не стал бы искать неприятностей. Уже нет. Он находил его достаточно часто.

Подняв глаза, Гарри встретился с тяжелым взглядом Дамблдора, отбивая попытку вторгнуться в его разум. Если Дамблдор и был удивлен, то не показал этого, вместо этого на его лице была маска безразличия.

Гарри прервал контакт первым, когда назвали имя Элис, вежливо аплодируя, когда ее распределили на Гриффиндор, игнорируя при этом взгляды своих одноклассников.

Пусть начнется игра.

<http://tl.rulate.ru/book/81996/2551333>